

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА

— интриги, тайны и любовь —

АДВОКАТ
ЧАРОДЕЙКИ

Наталия Орбенина
Адвокат чародейки

«ЭКСМО»

2011

Орбенина Н.

Адвокат чародейки / Н. Орбенина — «Эксмо», 2011

Следователь петербургской полиции Сердюков, приехавший в Евпаторию поправить здоровье, вовлечен в расследование убийства господина Боровицкого. Его нашли в грязелечебнице задохнувшимся либо умершим от сердечного приступа, вызванного обилием горячих лечебных грязей, наложенных на тело. Процедур на тот день Боровицкому врач не прописывал. А из самой лечебницы недавно уволилась некая Лия Гирей, горбунья, работавшая там медсестрой. Сестра Боровицкого Зина уверяет следователя – она узнала горбунью! Только десять лет тому назад звали ее иначе и горба у нее не было!..

© Орбенина Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Орбенина

Адвокат чародейки

Исполнение самых сильных наших желаний становится часто источником величайших наших скорбей.

Сенека

Глава 1

Следователь петербургской полиции Константин Митрофанович Сердюков испытывал неведомое доселе блаженство. Что еще может испытывать человек, всю жизнь свою положивший на алтарь служения Отечеству, неустанно и ретиво исполнявший свой долг, не помня ни отдыха, ни забвения от забот и тревог своей непростой службы! И вдруг он словно остановился на бегу и оказался, как по волшебству, вдалеке от хмурого серого неба столицы, от вечной суеты полицейского участка, строгого взора начальства, пыли и шума большого города. Как по мановению волшебной палочки осталась позади пустая и холодная холостяцкая квартира, где его одиночество разделяла кухарка, кормившая его незатейливой стряпней. Вместо всего этого следователя окружал жаркий воздух, напоенный незнакомыми ароматами, шелестело море, подкатываясь под самые носки его башмаков. Окружавшая природа напоминала ему ожившие страницы из книжки, которую он читал в гимназические годы. Там подробно и обстоятельно описывались природа и жизнь южных губерний Российской империи. По вечерам в кустах стрекотали цикады...

Солнце понемногу скатывалось к горизонту, убавляя жар, который оно щедро дарило курортникам. Сердюков потер облупившийся нос. Его белая кожа, непривычная к солнцу, приобрела неприлично кирпичный цвет, зудела и к тому же стала облезать клочьями. Столь неприглядная картина необычайно конфузила Константина Митрофановича, который и без того был очень невысокого мнения о своей внешности. Увы: Создатель наградил его цепким умом, незаурядной памятью, невероятной энергией и жизнестойкостью. Но поспешил на внешнюю красоту, и не досталось бедному Сердюкову ни капельки привлекательности. Высокий, худой и чрезвычайно нескладный, точно ходячий циркуль. Удлиненное лицо, маленькие глаза. Какого цвета? Да Бог его знает какого, он и сам затруднялся ответить. А уж длинный нос – так и вовсе беда! Одним словом, пропащее это дело – смотреть на себя в зеркало. Поэтому Сердюков и не смотрел, да и некогда ему было. Не до пустяков.

Постепенно в разряд пустяков попали и женщины, и товарищеские пирушки. Одиночество цепкой рукой ухватило следователя. Теперь он жил только службой, ничего не замечая вокруг себя. Или стараясь не замечать. Что проку лелеять сладкие надежды, носить в груди нежное чувство, если никогда тебе не суждено увидеть в глазах другого существа его отблески?

Сердюков вздохнул. Вот, это от вынужденного безделья всякие глупые мысли ему в голову лезут. Был бы он теперь на службе, так и некогда ему было бы предаваться тоскливым рассуждениям. Ох, зря! Зря он поддался на уговоры и направился в эту тмутаракань, поправлять надорванное по причине истового служебного рвения здоровье! Ему, преданному служаке, лучший отдых – новая работа! Константин Митрофанович потянулся и встал со скамьи. От долгого сидения тело затекло, он пошевелил долговязыми конечностями, повертел головой. Раздался хрустящий звук. Сердюкова передернуло. Он уже привык не обращать внимания на этот хруст, столь неприятный для окружающих. И все бы ничего, да только стали болеть все суставы, стало трудно вставать, приседать, долго быть на ногах. Столичные эскулапы в один голос заверили его, что дальше картина станет еще печальнее, что надобно лечиться, что, ежели

болезнь запустить, так можно и до срока в отставку выйти. Мысль о том, что он может оказаться не у дел, повергла сдержанного в проявлении эмоций следователя в состояние, близкое к паническому. Что же ему делать на пенсии? Ведь он не умеет ничего, как только преступников ловить, выводить на чистую воду мошенников! Понукаемый этой скрытой угрозой, Сердюков выправил отпуск и нехотя отправился в Крым, лечиться грязями.

Грязелечебница в Мойнаках, что вблизи Евпатории, вызвала у Сердюкова поначалу ощущение гнетущей тоски и раздражения. Он не привык к безделью и праздности. Но тут ему пришлось подчиниться и принять порядок вещей таким, каков он есть. Дисциплинированно, как солдат, следователь посещал все предписанные ему процедуры. Первая встреча со знаменитыми целительными грязями повергла его в настоящую оторопь. Пришлось целиком погрузиться в вязкую горячую темную жижу, обхватившую все его тело, и он почувствовал себя в какой-то момент человеком, засосанным трясинной. Грязь сковала его по рукам и ногам, превратила в неподвижное, ничтожное существо. Фельдшерица, приветливо и ободряюще улыбаясь, водрузила над его головой парусиновый зонт и ушла. Сердюков попытался высвободиться, но грязь чавкнула и не отпустила его. Пришлось смириться, хотя со стороны, вероятно, он смотрелся забавно. И уж точно никто бы сейчас не угадал, что в этой ванне застрял в грязях гроза всех петербургских преступников.

Помимо грязей, доктор предписал ему купания в соленой воде лимана, именуемой рапой. Сердюков, страшно стесняясь своего худого костистого тела, старался приходить, когда на пляже присутствовало как можно меньше купальщиков. Скинув в кабинке одежду, он, вжав голову в плечи, быстрой трусцой устремлялся на мостки и поскорее окунался в жгучую соленую воду. Потом спешил обратно, сотрясаясь всем телом, чувствуя, как на коже выступают мелкие бисеринки соли.

Через неделю своего пребывания на курорте, несмотря на то что пока что видимых улучшений состояния его здоровья не произошло, Сердюков вдруг почувствовал, что его сознание стали посещать некие мысли, ранее ему неизвестные. Что неразрывный тугой обруч долга и служения Отечеству стал понемногу ослабевать. Константин Митрофанович невольно перешел с энергичного быстрого шага на медленные ленивые движения, столь свойственные всем посетителям мест отдохновения от трудов. Куда ему спешить? Он даже стал посиживать на лавочках под кипарисами или на теплом песочке у воды. Он вдруг увидел, что в мире, кроме людской подлости и злобы, существуют яркие пронзительные закаты, что по ночам на небе зажигаются огромные далекие звезды, а море светится таинственным загадочным светом. Груз прежних лет, неудач, разочарований – все исчезло, как-то вдруг. И жизнь его стала приобретать и другие краски, помимо неисчислимых оттенков серого.

– Вечер добрый, господин Сердюков. Как нынче ваши суставы? Принимали ли вы сегодня грязи?

Полицейский невольно вздрогнул от неожиданности и поднял голову. Перед ним стоял высокий господин в светлом чесучовом костюме, парусиновых туфлях и соломенной шляпе. Боровицкий Анатолий Ефремович. Курортник со стажем, отец многочисленного семейства, обладатель неизлечимых недугов.

– Благодарствуйте, нынче, как мне кажется, вроде бы получше. – Сердюков для верности повертел кистями рук. – Только, однако же, не могу привыкнуть я ко всему этому.

– Вы сами процедуры изволите иметь в виду, грязелечение?

– Да, именно. Неловко как-то, вроде ты человек, а тебя, как свинью, в грязи вымажут – и лежи, грейся!

– А вы, сударь, эстет! – Боровицкий издал высокий тонкий смешок, что странно диссонировало с его внушительными размерами. – Да-с, согласен с вами. Это неэстетично. Только ведь и хвори не красят нас! Так уж лучше помучиться на курорте, чем потом дома, в постели.

– Вы правы, – согласился следователь. – А где ваше милое семейство?

Он приставил руку ребром к глазам, чтобы низкое заходящее солнце не мешало ему глядеть на собеседника.

– Сейчас придут, куда же им деваться! Только маленькие дети – вы же понимаете – с ними столько мороки, столько возни... Вот и тянутся долго-долго, пока соберутся, нет мочи стоять и ждать их по часу!

В голосе собеседника прозвучали усталость и раздражение.

Сердюков покивал с понимающим видом, словно у него и самого семеро по лавкам сидят. Между тем семейство Боровицкого не заставило себя долго ждать. Послышался их веселый гвалт, визг.

– Ну вот, я же говорил вам! – обреченно произнес усталый отец.

Константин Митрофанович посмотрел на него с сожалением. Боровицкий был еще молод, чуть за тридцать. Но он уже успел устать от жизни, народив пятерых детей за десять лет своего брака. Боровицкие были из числа тех немногих курортников, с которыми Сердюков поддерживал мимолетное знакомство. Милое, шумное, непоседливое семейство. Полицейский почти сразу же запомнил, кого из детей как зовут, чем заслужил благосклонность госпожи Боровицкой. Она же сочла своим долгом позаботиться об одиноком неприкаянном господине. И посему, как только они появлялись на пляже, в парке лечебницы, в зале ресторана, все многочисленное семейство непременно устремлялось к Сердюкову, чтобы осведомиться о его успехах в борьбе с коварным недугом.

Пребывание в лечебницах и на курортах невероятным образом повышает интерес обывателей к медицине. Собеседники становятся большими знатоками болезней, лекарств и способов лечения – даже того, что уже неизлечимо. У кого что болело, ныло, чесалось, стреляло, кто умер, а кто чудесным образом исцелился – вот самые животрепещущие темы для подобных бесед.

Сердюков приготовился к неизбежному, отступить было некуда. Шумное семейство, смеясь, галдя и перекрикиваясь друг с другом, приближалось неумолимо, как девятый вал. Дети разного возраста, старшему девять, младшему два года, скакали вокруг матери, няньки и высокой барышни с недовольным лицом – сестры Боровицкого, Зинаиды. Замыкал процессию лакей, тащивший огромную высокую плетеную пляжную корзину-кресло, сидя в котором, дамы Боровицкие прятались от палящего солнца, пытаясь уберечь носы, плечи и прочие части тела от его коварных лучей.

– Милейший Константин Митрофанович, как поживаете, как вы спали нынче? – пропела мать семейства, одетая в розовое легкое платье без корсета и шляпу с розовыми же маргаритками. И, не дожидаясь ответа, захохала: – А я этой ночью почти не спала, такая духота, голова совершенно раскалывалась, я все ворочалась, вставала, да и дети спали беспокойно. Боюсь, не было бы нынче сильной грозы, что-то пугающее есть в атмосфере, давит грудь, словно дурное предчувствие! Вы верите в предчувствие, господин Сердюков? – Она сложила кружевной зонтик и присела на скамейку.

– Полно, матушка, что ты городишь, какое может быть предчувствие у господина следователя? – урезонил жену Боровицкий, окинув ее недовольным взглядом. Он не поощрял местной курортной моды – чтобы дамы в сильную жару и духоту появлялись на людях без корсетов. – Да и спала ты крепко, тебе, верно, просто сон плохой приснился.

– Ах, вечно ты, Анатолий... – с обидой начала было жена, но осеклась продолжать при постороннем человеке.

Сердюков смотрел на госпожу Боровицкую с улыбкой и сочувствием. Милая, добрая, чуткая, славная, любящая. Курочка-наседка, хлопотливая и отзывчивая душой. Чудная жена, прекрасная мать. Чего еще желать мужчине? Однако же в тоне Боровицкого нет-нет, да и промелькнет некоторое раздражение, снисходительность по отношению к своей супруге. Конечно, спору нет, он – красавец, яркий, темноволосый, высокий, правда, уже с брюшком и вторым

подбородком, но все равно хорош! Она же, видимо, в юности тоже была прелестна, но многочисленные роды придали ее фигуре полноту и расплывчатость, а семейные заботы наложили на лицо свой неизбежный отпечаток.

– Благодарю вас, сударыня, за ваше неизменное внимание к моей скромной персоне, – Сердюков шутивно приподнял светлую шляпу. – Мне, как человеку одинокому, такое внимание в диковинку. Оно даже, извините, пугает!

Боровицкие дружно засмеялись.

– Вот еще, не поверю, что полицейские чего-нибудь боятся! – воскликнула молодая девушка, сестра Боровицкого. Она отошла от детей, громко резвившихся у кромки воды, оставив их на няню, и тоже присела рядом с Сердюковым.

Малышня дружно принялась ковырять палкой студенистое тело большой фиолетовой медузы, выброшенной волной на берег. Старшие же заспорили, сколько сортов халвы они попробовали за это время. Шоколадную, ореховую, фисташковую, миндальную... Нет, это не все, еще – сахарную, ванильную...

– Увы, Зинаида Ефремовна, мы такие же живые люди, как и прочие обыватели. Нам так же свойственны все страхи рода человеческого, – мягко ответил полицейский и незаметно отодвинулся от собеседницы, чтобы никоим образом не прикоснуться случайно ни к одежде, ни к руке барышни.

– Знаем, знаем, чего вы боитесь! – лукаво погрозила ему пальчиком Таисия Семеновна Боровицкая. – Боитесь, что Амур ранит ваше сердце!

Сердюков вздрогнул и принужденно засмеялся. Зинаида опустила голову с высоко заботы на затылке волосами и стала пересыпать песок сквозь пальцы, избегая взгляда собеседника. Кажется, следователь оказался прав в своих ужасных подозрениях. Неужели семейство Боровицких окружило его плотным кольцом своей заботы лишь для того, чтобы пристроить наконец замуж сестрицу Зиночку? Боже милосердный! Она, конечно, неплохая девушка, и даже симпатичная, правда, без той яркости, которая досталась ее брату Анатолию. Но ведь недаром же она так засиделась в девках! Насколько успел заметить Сердюков за все время их непродолжительного курортного знакомства, Зина имела весьма своенравный и капризный нрав. Затянувшееся девичество, видимо, добавляло масла в огонь ее нерастратченных чувств. Боровицкие возили ее с собою по курортам с надеждой найти для нее ну хоть какого-нибудь жениха из отставников-военных, чиновников средней руки. Да только пока что все было без толку. К тому же из экономических соображений мадам Боровицкая норовила приспособить золовку в качестве еще одной няни и гувернантки для своих детей. Но возня с малышами и поиск жениха – вещи несовместимые!

Сердюков приглянулся Боровицким. Они навели о нем справки в гостинице и были поражены тем обстоятельством, что такой достойный человек пребывает в одиночестве. Конечно, полицейский – это не Бог весть что, человек небогатый. Но по всему видно, что порядочный. Без пороков, словом, отчего же не попробовать?

Так рассуждала Таисия Семеновна. Анатолий Ефремович только пожал плечами. Сама же Зиночка не испытывала к новому знакомому никакого интереса и, только понукаемая женой брата, принимала участие в «охоте на жениха».

Все эти уловки Сердюков раскусил почти сразу же. Ему стало смешно и противно. Боровицкие производили на него приятное впечатление, но только как временные знакомые, о которых он скоро позабудет. Сделаться их зятем, мужем Зиночки? Благодарю покорно!

– Мы нынче намеревались нанять лодочника-грека и прокатиться по морю. Не желаете ли присоединиться к нашей прогулке? – спросила Таисия Семеновна.

– Благодарю, но вынужден отказаться. Не считите меня невежливым, господа! Однако я тут уже засиделся, надобно мне пройтись. К себе пойду, пораньше лягу.

Следователь поднялся, отряхнул песок, помахал всем шляпой и быстро ретировался, оставив Боровицких в неприятном недоумении.

Глава 2

– Вот, опять, опять сбежал! – в сердцах воскликнула Таисия Семеновна. – Зина, ты бы хоть самую малость потрудились заинтересовать собою господина Сердюкова!

– Ах, как все это мне гадко, гадко! – вскричала Зина и бросила пригоршню песка в стору Таисии. – Вы меня, точно товар лежалый, предлагаете!

– Что ж поделаешь, если оно так и есть? – хмыкнул Анатолий Ефремович. – Невесты – товар скоропортящийся!

– Анатолий! – жена покачала головой.

Но оскорбительные слова уже были услышаны. На глазах Зины вспыхнули слезы обиды и негодования.

– Конечно, разумеется! Только на что я трачу уйму времени? Не вы ли экономите, нанимая вторую гувернантку? Не я ли целыми днями возжусь с вашими детьми?

– Что ты, что ты, тихо! – зашипела на нее Таисия Семеновна. Дети, игравшие у воды, чуть поодаль, подняли головы и стали прислушиваться к ссоре старших. – Как можно так говорить, ведь это твои родные племянники!

Но Зина уже не могла остановиться. Накопившаяся обида полилась неудержимой рекой, прорвав плотину сдержанности и хорошего тона.

– Хорошо тебе было, дорогой брат, когда папаша и мамаша нашли тебе выгодную невесту и устроили этот брак с Таисией! Сам бы ты после той злосчастной дуэли, после истории с Розалией, что бы сумел поделать, кто бы за тебя отдал свою дочь! Если бы не папенька...

– Замолчи! – зашипел Анатолий и вскочил, словно хотел ударить сестру.

– О чем вы? – Таисия испуганно переводила взор с одного на другого. – О чем таком вы говорите, чего я не знаю? Анатолий?..

– Глупости! Это она в сердцах сказала. Все пустое, – он делано махнул рукой и отвернулся.

Женщины остались сидеть на скамейке. Вечернее солнце неизбежно катилось к горизонту. Обычно это, самое свое любимое время дня, семейство проводило в неге на пляже. Сегодня вечер оказался испорчен. Но не только вечер. Тяжелое недоверие, подозрительность и недосказанность разъедают самые дружные и любящие семьи.

– Я требую, чтобы ты мне объяснила, о чем шла речь! Я имею право знать все, что относится к моему мужу, к нашему браку. – Таисия сердито посмотрела в лицо Зине.

– Ты напрасно так сердишься. – Зина поняла, что в сердцах наговорила лишнего, и снова принялась ковырять палочкой песок. – Ничего особенного, ничего важного. Просто глупости, которые случаются в юности с каждым мужчиной. Вот и все. Ты же знаешь, какой он у нас самолюбивый! Он не хочет, чтобы ты знала о его слабостях или глупостях. Он так тебя любит, так дорожит тобою, твоим мнением!

Зина замолчала. Вранье выходило нескладное, да делать нечего. Сами виноваты, довели ее!

– Да прекрати же ты возиться в песке, точно дитя малое! – Таисия поняла, что более ей ничего не скажут. Что ж, она все равно найдет возможность все вызнать. Что еще за дуэль? Анатолий – и дуэль? Да может ли такое быть!

– Ах, как нынче жарко! – желая перевести разговор в другое русло, произнесла Зина.

– Чего же ты хочешь – юг! – раздраженно ответил брат. – Если не желаешь страдать от жары, надобно приезжать сюда в сентябре, в бархатный сезон.

– А отчего такое название? Бархатный?

– Оттого, что по вечерам становится прохладно и, вышедши погулять, дамы и кавалеры наряжаются в бархатные жакеты и пиджаки.

– Опять ты насмехаешься надо мной! – Зинаида надула губы.

Анатолий направился к детям, которые оставили медузу и принялись собирать ракушки и мелкие разноцветные камешки, отшлифованные водой.

Таисия посмотрела в сторону мужа и детей. Как он хорош! Как она любит его! Несмотря ни на что!

Зина тоже смотрела на брата, и перед ее взором невольно проплывали совсем иные картины...

...Зина уже полчаса как вернулась с прогулки, да все никак не могла собраться. Родители заждались ее на веранде к обеду, а молодежь все не появлялась. Зине шел пятнадцатый год. Учеба в гимназии не задалась, и родители взяли для дочери гувернантку, чтобы та научила барышню всему тому, что необходимо знать молодой женщине. Выбирали долго, и наконец с отличными рекомендациями в их дом прибыла гувернантка. Звали ее Киреева Розалия Марковна. Жаль, что к бумагам не прилагался портрет кандидатки. Маменька, Полина Карповна, как увидела новую гувернантку, так и расстроилась чуть ли не до слез. Девушка оказалась красоты невиданной, полная грации и природного изящества, с изысканными манерами и удивительным очарованием. Но разве можно нанимать такую в дом, где есть юноша, в котором кровь кипит, как чайник на плите? И не откажешь, коли уже согласились взять ее, и только потому, что она, мол, слишком, слишком красива для гувернантки.

Гувернантка между тем свое дело знала хорошо. И, несмотря на нервный характер своей подопечной и ее непреодолимую лень, умудрилась найти с ней общий язык и подвигнуть к учению. Худо-бедно, дело пошло на лад. Однако хозяева не спускали глаз с гувернантки, боясь, что ее чары околдуют падкого на все яркое Анатоля. Так прошел год, потом еще полгода...

Летом Боровицкие выезжали на дачу в южную Финляндию. Там, среди живописной природы Иматры, неподалеку от озера Сайма, вблизи от удивительного по красоте водопада Иматранкоски, образуемого обрывом реки Вуоксы, они имели прехорошенькую дачку. Бурные потоки водопада привлекали сюда петербургскую публику, иной раз летом в Иматру прибывало до четырнадцати поездов в день с желающими полюбоваться красотой водопада и каньоном реки Вуоксы. Поэтому каждое лето на дачу к Боровицким приезжало целое общество, гостило много молодежи.

Частенько заглядывали Желтовские, мать и сын. Госпожа Желтовская Александра Матвеевна приходилась Полине Карповне дальней родней. Они называли друг друга кузинами. Ее сын, Сережа, был почти одного возраста с Анатодем. Анатоде учился в университете, да только не одолел до конца курса наук. Упав на связи отца, отставного полковника, надеясь получить место чиновника средней руки. А Сережа заканчивал училище правоведения, и впереди у него маячила адвокатская карьера. Как только в доме Боровицких появилась Розалия Марковна, постепенно сложилось некое маленькое общество, состоявшее из брата и сестры Боровицких, госпожи Киреевой и Сергея Желтовского. Они вместе гуляли, читали, музицировали. Полина Карповна не находила себе места. С одной стороны, для нелюдимои и капризнои Зины это была прекрасная школа светского поведения. С другой стороны... Ах, боже ты мой, что может быть с другой стороны! Вообразить даже страшно!

На веранде расположились хозяева дома и Александра Желтовская. Хозяин дома, Ефрем Нестерович, полковник в отставке, зажав трубку в зубах, мерил веранду широкими шагами и командовал самому себе:

– Ать, два! Шире шаг! Напра-во!

Александрина с усмешкой наблюдала за этой шагистикой. Уже давно на пенсии, а все командует, все его семейство как в казарме живет! Чтобы хозяева не увидели ее усмешки, она раскрыла веер и стала им обмахиваться.

– Уф, нынче так жарко!

– Да, Александрина, жарко. Вот и дети, видимо, никак не могут отдышаться и переодеться к столу. Ведь вы купались?

Этот вопрос хозяйка дома адресовала Сереже Желтовскому, сидевшему на ступеньках веранды. Сережа поднял светловолосую голову и широко улыбнулся. Госпожа Желтовская с нежностью смотрела на него сверху. Конечно, он не обладает такой же яркой красотой, как Анатолий. Но он такой чудный, такой нежный! Такой надежный, крепкий. Славный, славный мальчик!

– Да, Полина Карповна! Невозможно было устоять, по эдакой-то жаре!

– И девушки купались, Зина и Розалия Марковна?

– Конечно, но они отошли подальше от нас, мы их только слышали. Розалия Марковна очень щепетильна в подобных вопросах.

– Но ведь тут такое течение, такие опасные обрывистые берега! Я всегда волнуюсь, когда вы уходите гулять вдоль реки. Надеюсь, вы в озере купались?

– Разумеется, не волнуйтесь, мы купались в озере, там вода почти стоячая. Да, на реке некоторые места очень коварны! Но ведь Анатолий вырос тут, он знает каждый камешек. Он всегда предупреждает, куда нужно ступить.

– Места тут удивительные! – подхватила разговор Желтовская. – Я рада, что и мы теперь тоже здесь снимаем дачу. Не думала, что после Варшавы меня что-нибудь так восхитит и при манит!

– Конечно, замечательные места, недаром тут весь Петербург летом собирается. И даже их Императорские Величества и Высочества приезжают сюда поправить здоровье. Вот и гостиницу прехорошенькую построили на берегу, точно замок! – с гордостью сказала Полина Карповна, словно сама создала всю окружающую их действительность.

Александра Матвеевна сдержанно улыбнулась. В юности она вместе с родителями жила в Польше, по месту службы отца. Там же вышла замуж за польского дворянина, родила Сережу. Но муж ее скоро умер, и, когда мальчику пошел шестой год, она вернулась в Петербург.

– Отчего же они так долго! – сердито постучал трубкой о перила полковник. – Сергей, сделайте одолжение, поторопите Анатолия, да пусть он и сестру позовет! Не дело это – нам их полдня ждать!

Сережа легко подскочил со ступеньки и скрылся в доме.

– Как славно они дружат! – улыбнулась вслед Желтовская.

– Да, славно, если вы имеете в виду наших сыновей.

– А кого же еще? – искренне удивилась Александра Матвеевна.

– Меня пугает то обстоятельство, что госпожа Киреева превратилась в некоего кумира для обоих молодых людей и моей дочери, в заводицу всей их дружбы!

– Что же с того? – пожала плечами Желтовская. – Она порядочная женщина, у нее блестящие рекомендации. Училась в институте благородных девиц, вышла второй ученицей. Вы же сами ее выбрали и всегда были очень ею довольны.

– Она прежде всего гувернантка и должна знать свое место! – с нарастающим раздражением произнесла Боровицкая.

– А, вот вы о чем! Полно, кузина! Теперь иные времена! Каждый человек славен своими делами, талантами. Теперь и женщина может занять в обществе достойное место, если она приносит пользу!

– Слышу любимые песни! – ехидно заметил Ефрем Нестерович. – Конечно, как же вам не вступить за скромную труженицу! Ведь вы у нас известная либералка, поборница женских прав, и все такое! Да я вам скажу, во-первых, место женщины там, где ей его указал Создатель. У семейного очага. А все прочее – от лукавого. А то, что вы все время толкуете о равенстве и прочих опасных вещах, так это, душа моя, вы просто наслушались своего покойного мужа-вольтерьянца, вот и вторите ему, а сами-то, сами мало что в этом смыслите! Как можно

толковать о равенстве! Каждый сверчок должен знать свой шесток и вести себя подобающим образом. Так ведь и солдат будет указывать генералу! Госпожа Киреева, спору нет, достойная барышня, но она служит в этом доме! Служит!

– Это вы потому так раскипятились, что боитесь, будто Анатолий соблазнится ее неземной красотой! – засмеялась Желтовская.

Но смех ее был натянутым. Ее покоробил грубый тон Боровицкого, к которому она за много лет знакомства так и не смогла привыкнуть.

– Можно подумать, дорогая Александрина, что вас бы не испугал подобный мезальянс вашего единственного сына и безродной гувернантки.

– Наверное, меня бы не обрадовало подобное стечение обстоятельств. Но я не вижу в этом трагедии. Каждый человек достоин счастья, независимо от того, кто он и на какой общественной ступени стоит. Впрочем, я не понимаю, отчего такое волнение, разве уже что-нибудь произошло? По-моему, причин для волнения нет!

– Ну да, ну да, – недовольно и недоверчиво произнесла Полина Карповна, и разговор увял.

Полина и Александрина, сколько знали друг друга, всегда невольно сравнивали – каждая – свою жизнь с жизнью подруги. Завидовали друг другу или, наоборот, чем-то гордились друг перед другом. Смолodu обе они были девицами весьма хорошенькими, за обеими давали неплохое приданое, словом, достаточно, чтобы прилично замуж выйти. К сожалению, Полине Карповне не довелось лично знать покойного супруга родственницы, приходилось довольствоваться рассказами самих Желтовских. Только этим рассказам Боровицкая мало верила! Что может помнить пятилетний ребенок о своем отце? А Александрина всегда была склонна к преувеличениям. По рассказам Желтовской выходило, что ее покойный супруг был чистый ангел, просветитель, образованнейший и благороднейший человек. Второго такого на свете не сыскать, вот почему она не смогла до конца пережить эту потерю и вернулась в холодный Петербург. Но душа ее по-прежнему пребывала там, там, где упокоился ее супруг. Боровицкая недоумевала – отчего кузина не осталась в семье мужа, увезла сына от польской родни? Но Александра только вздыхала. Она и дома прекрасно устроилась. К тому же сына надобно было выучить, пристроить, где еще лучше это удастся сделать, как не в столице?

Боровицкие приняли самое живое участие в судьбе овдовевшей родственницы. Полина Карповна даже пыталась сватать Желтовскую, в надежде подыскать ей супруга наподобие собственного. Чтобы он не книжки умные читал и рассуждал по-французски о высоких материях, а грубым голосом гонял всех домашних, немилосердно курил в комнатах, стряхивая пепел на ковры, распекал жену и детей. Словом, такого же супруга, как ее Боровицкий, чтобы ей, Полине Карповне, тоже не обидно было жить на свете. Однако Желтовская уклонялась от выгодных брачных предложений, неизменно храня верность своему незабвенному покойному супругу. Александра Матвеевна не только помнила мужа, но и единственного своего сына Сережу воспитывала в духе либерального просветительства, без конца ставя ему в пример покойного родителя, его высокие идеи и благородный характер. Сережа вырос с именем отца на устах, он почти не помнил его, но, благодаря рассказам матери, казалось, почти не ощущал утраты.

Послышались голоса. На веранде показался высокий плотный молодой человек, сын хозяев, с ярким румянцем на загорелом лице. Следом – Зина, Сережа. Последней вышла к столу гувернантка. Желтовская невольно дольше обычного глядявалась в лицо девушки. Как иногда щедр Создатель! Какая дивная, неотразимая красота... В ней явно чувствовалась нега Востока. А какая фигура, тонкая талия, гибкая спина, высокая грудь. Просто виноградная лоза! Воистину роза, прекрасный цветок!

Расселись. Обед, по причине невыносимой духоты, был сервирован на просторной веранде. Ветер колыхал кружевные занавески на распахнутых окнах и края вышитой скатерти.

Лучи солнца украдкой скользили по хрустальным бокалам, кувшинам со смородиновым морсом. В тарелках уже плескалась окрошка из хлебного кваса, манили попробовать их спелые хрустящие огурчики, упоительно пахло жареными котлетами.

Розалия Марковна, вышедшая к столу следом за своей воспитанницей Зиной, скромно и с достоинством поздоровалась и тихонько села у края стола. Она не подавала голоса, но явно чувствовала, что разговор только что шел о ней. Обед протекал своим чередом, близился десерт. Посередине стола уже красовалось фигурное печенье, яблоки и клубника. Полина Карповна, раздраженная предшествующим разговором, невольно желала хоть как-нибудь уязвить гувернантку.

– Помнится мне, Розалия Марковна, что вы как-то упомянули, будто родители вашего отца не принадлежали к православной вере? – Боровицкая положила в рот спелую ягоду клубники.

– Да, сударыня. Предки моих родителей происходили из древнего народа, проживающего в Крыму. Караимы называются.

– Что это за караимы такие? – фыркнул Ефрем Нестерович. – Татары, что ли, мусульмане или язычники?

– Татары действительно близки к караимам по образу жизни, – мягко продолжала Розалия Марковна, словно не чувствуя недоброжелательного тона хозяев, она уже привыкла к подобной манере бесед в этом доме. – Только вера их, скорее, ближе к православию. Они почитают Иисуса Христа, но считают его не сыном Божиим, а Пророком, как и мусульмане – своего Магомета. К тому же они не признают Святой Троицы и Святого Духа.

– Да как можно терпеть такое святотатство! Какое же тут православие! Точно иудеи! – недовольно вскричала Боровицкая и раздраженно отодвинула тарелочку с ягодами.

– Нет, сударыня. Смею заметить, что иудейская вера тоже далека от веры караимской. Караимы не признают никаких постановлений духовенства, не чтут Талмуд, подобно иудеям. Они почитают только Библию, Ветхий Завет.

– И как можно терпеть столько инородцев! Ваш папенька правильно поступил, что сделался православным христианином! – продолжала Полина Карповна.

Розалия Марковна старалась говорить спокойно и бесстрастно. Хотя наблюдательный взгляд давно заметил бы, что ее грудь стала подниматься чаще, а щеки приобрели более яркую окраску. Она все крепче сжимала губы, не позволяя себе резкого тона или иных признаков раздражения.

– Да, обстоятельства жизни моего покойного отца сложились таким образом, что он принял православную веру. И меня тоже крестил православный батюшка. Однако посмею заметить, что вероисповедание человека вовсе не означает, что он хороший или плохой, чем-то лучше или хуже других.

– Вот тебе раз! – громко стукнул вилок по столу Ефрем Нестерович. – Да кто же, кроме русского православного человека, больше к геройству склонен? К защите Отечества своего?

– Отец рассказывал мне, что среди доблестных защитников Севастополя во время Крымской кампании было много караимов, они же потом и на Балканах воевали. К тому же государи наши, Екатерина Великая, Николай Первый, Александр Первый, нынешний Государь, – все покровительствовали караимам, даровали им многие права, как и православным.

– Господа! – вмешался в разговор Сергей. – Мне кажется, господа, что в данном случае мы все должны подивиться тем познаниям, которыми обладает госпожа Киреева. Просто восхитительно, что такая молодая особа имеет столь глубокие познания в подобных сложных материях!

– Я полагаю, что ни к чему девице рассуждать о вере, как, впрочем, и обо всем ином. Надеюсь, сударыня, на уроках с моей дочерью вы не позволяете себе подобных вольных выска-

зываний? Надеюсь, вы не прививаете девочке любви к досужим рассуждениям и заумствованиям? Эдак она у меня станет синим чулком и проспит всех женихов!

– Папа! – обиделась Зина.

– Ефрем Нестерович! – с улыбкой и некоторой долей язвительности заметила Желтовская. – Госпожу Кирееву трудно было бы сравнить с синим чулком!

– А для вас, любезная кузина, подобные разговоры – суший мед! Жаль только, что у вас нет юной девицы, нуждающейся в воспитании, и вам не приходится искать гувернантку! – отрезал Боровицкий.

– Сударь! – тихо и с некоторым нажимом произнесла Розалия Марковна. – До последнего дня ни у вас, ни у Полины Карповны не возникало претензий на мой счет. Смею вас уверить, что я глубоко чту то доверие, которое оказывают мне в этом доме, поручив мне воспитание молодой особы. До сего дня я неукоснительно выполняла все ваши пожелания и требования. И, как мне кажется, достигла некоторого положительного результата. Если вам не угодно видеть меня в вашем доме – по причине моей образованности, – скажите мне, и я тотчас же оставлю место!

– Ну вот! Вот еще! – Полина Карповна бросила салфетку на стол. Весь ее вид говорил: мол, дожили, гувернантка смеет повышать голос!

– Я совсем не хотел вас обидеть, – в сердцах ответил хозяин дома. – Мы вами довольны, и покончим с этим!

Он уткнулся в свою тарелку. Повисло неловкое молчание. Желтовских принимали как родню и вовсе не стеснялись их. Поэтому иногда семейные ссоры, вспыхивавшие в этом доме отнюдь не редко, происходили на глазах у зрителей.

Александра Матвеевна хотела было, по обыкновению, сказать что-то еще, вольнодумное и колкое. Но, открыв рот, она с изумлением увидела, что ее сын Сережа украдкой бросил на гувернантку восхищенный горячий взор. Анатолий же за весь обед не проронил ни слова.

Глава 3

Возвращались домой в двуколке. Желтовская правила сама. Лошадка резво бежала вперед, легкий ветерок приятно охлаждал разгоряченное лицо и развеивал прозрачный шарф на плечах Александры Матвеевны.

– Розалия Марковна – прелесть! Прелесть! Она мне чрезвычайно симпатична! Боровицким несказанно повезло, что у них такая гувернантка. Впрочем, для Зины, наверное, лучше было бы нанять матроса с плеткой. Такая капризная девица! Что толку перед ней все эти сведения рассыпать, как бисер перед свиньями, она же непроходимо тупа и ленива! А Розалия – молодец! С таким достоинством осадил самого Ефрема! Любопытно, однако, что Анатолий, с его склонностью волочиться за каждой смазливой мордашкой, за каждой юбкой, еще не попытался приударить за гувернанткой. Это просто удивительно! Было бы забавно, если бы мои предположения сбылись и моя высокомерная гусыня-кузина заполучила бы в семью невестку-гувернантку!

Желтовская радостно рассмеялась, подстегнула лошадь и обернулась к сыну. Сережа сидел с застывшим лицом. Его глаза смотрели на дорогу, на круп лошади, но явно не видели ничего этого. Мать оторопела. Она никогда не видела у своего мальчика такого странного взгляда. Александра Матвеевна хотела еще что-то добавить, но передумала.

После обеда Боровицкие, по давно заведенному в доме обычаю, отправились почивать. Зина тоже побежала к себе, завалилась на кровать и принялась читать роман, который она прятала под матрасом от строгих взглядов гувернантки и матери. Гувернантка также удалилась к себе и заперлась изнутри. Проходившая мимо хозяйка слышала, как щелкнул замок в двери.

– Ты нынче, матушка, что-то погорячилась, – пробурчал Ефрем Нестерович, закуривая трубку и устраиваясь поудобнее в покойном кресле. – Чего тебя понесло, как молодую кобылу? Чего ты так напустилась на Розалию? И меня, дурака, завела! Вот потребует она нынче расчета, что мы делать-то будем, где нам опять искать гувернантку для нашего сокровища? Сама знаешь норы Зины, а Розалия у нас – третья по счету!

– Да, прости меня, я и впрямь нынче наговорила лишнего. Это все от жары, наверное!

– Так поди к ней да добавь к жалованью рубль, начиная с этого месяца! – Боровицкий сердито пошевелил кустистыми седыми бровями.

– Хорошо, – покорно согласилась жена. Она встала и уже дошла до двери, но вдруг остановилась и произнесла: – Я знаю, что ты будешь сердиться, но у меня и впрямь нехорошо на сердце. Я словно чую что-то вокруг нее, но понять этого не могу!

– Глупости! Бабская чепуха! А ежели что и будет, так сама знаешь – взашей со двора, и денег ни копейки. А Толька, коли баловать начнет, так я его так розгами угощу, что он забудет надолго обо всех этих амурах! Ступай, дай мне отдохнуть от всех вас!

Полина Карповна удрученно пошла к себе. Но, проходя мимо комнаты гувернантки, она не удержалась, подкралась на цыпочках к двери и прислушалась. За дверью стояла мертвая тишина.

Тишина за дверью комнаты Розалии Марковны объяснялась очень просто: хозяйка сего помещения отсутствовала. Дождавшись, когда все домашние разбрелись на послеобеденный отдых, а гости уедут восвояси, Розалия бесшумно выскользнула из дома и стремительно побежала по узкой тропинке среди высоких елей. Это время для ухода из дома было выбрано ею не случайно. Именно в этот час, летом, после обеда, в самую жару, можно было безбоязненно скрыться из дома от глаз людских. Легким быстрым шагом она дошла до условного места – укромной маленькой полянки, скрытой за высоким кустарником. Села на траву и замерла. Вокруг разливалось жаркое марево, носились стрекозы, где-то неподалеку шумел водопад.

Вскоре раздался легкий свист. Розалия улыбнулась и легонько свистнула в ответ. Тотчас же среди ветвей показалось румяное веселое лицо Анатоля.

– А! Ты опередила меня! Я так и знал, что маменька тебя разозлила и ты, наверное, бегом помчалась!

– Не будем о неприятном! Что толку корить твою родню? Теперь это не имеет никакого значения, ведь так? – и Розалия пристально посмотрела в глаза молодого человека.

– Так, так, конечно же, так! Не сомневайся, любовь моя! – и Анатолий, смеясь, устремился к девушке.

Его взор светился страстью и желанием. Не в силах побороть себя, он принялся покрывать ее лицо, руки, плечи страстными поцелуями, пытаясь освободить как можно больше нежной кожи от одежды. Розалия не сопротивлялась. Она откинулась на спину и зажмурилась, как кошка, от удовольствия. Анатолий сжал ее в объятиях, и весь мир закружился вокруг них с неистовой скоростью.

– Когда ты, наконец, скажешь им? – Розалия откинула растрепанные волосы за плечи. – Чего еще ждать, ведь уже полгода...

– Ну, погоди, не надо спешить. Ведь ты же знаешь моего отца, он горячий человек. Доверься мне, я найду надлежащий момент. Для меня теперь самое главное, что ты моя, только моя, что я люблю тебя. А ты – меня. Мы вместе, и я просто схожу с ума от тебя!

И Анатолий вновь принялся неистово целовать Розалию, стремясь добраться до самых сокровенных мест ее прекрасного тела.

– Мне кажется, Полина Карповна и впрямь что-то подозревает.

– Полно! Не пойман – не вор! Не думай об этом! Положись на меня!

Разгоряченные, они лежали на траве и смотрели на облака.

– Я счастливый человек! – произнес Анатолий и довольно потянулся, глядя на изысканные изгибы тела возлюбленной. – А вот Сереженьке не повезло! Мне кажется, что и он в тебя влюблен!

– Мне тоже так кажется! – лукаво отозвалась Розалия и пощекотала Анатолия травинкой за ухом.

– Ага! Коварный соперник! Я убью его! Застрелю!

Анатолий подскочил, схватил первую попавшуюся ветку и воинственно взмахнул ею. Розалия засмеялась, показывая ровные белоснежные зубы. Этот смеющийся рот, эти манящие яркие губы не могли остаться без поцелуя, и Анатолий вновь рухнул в траву рядом с ней. Ветка с треском улетела в кусты.

Любовники не удосужились поглядеть вслед улетевшей ветке. Иначе они услышали бы легкий шорох, шелест травы и старой хвои, а также заметили бы чей-то пыливый, любопытный взор. Зина, притаившись в кустах, с жадностью наблюдала картины, о которых она только что читала в потаенной книге. В книге были картинки, но они только возбуждали ее любопытство. И не более, а вот как «ЭТО» происходит в жизни, Зина могла увидеть, лишь подглядывая за любовными забавами своего братца и гувернантки. Она хоть и слыла в семье тупицей, но ей нельзя было отказать в природной наблюдательности. Девушка первая заподозрила, что между Розалией и Анатолием существует некая незримая связь. У Зины пока еще не было своего любовного опыта, но она черпала знания из книжек, которые еще зимой потихоньку от родных купила в Петербурге. Она знала, что тайные любовники должны внезапно краснеть или бледнеть, случайно соприкасаясь руками. Тяжело дышать, прятать горящий взор. Писать друг другу сокровенные письма, подавать незримые сигналы. А самое главное – тайно от всех встречаться при свете луны и предаваться радостям любви.

Зина принялась следить за братом, за Розалией и была разочарована, что у них все не так. Они не писали друг другу писем. Или их просто никому не удавалось перехватить? Они не обменивались пылкими взорами, Анатолий не краснел, он и так постоянно румяный. А Роза-

лия проявляла просто чудеса выдержки! Отчаяние стало овладевать Зиной. Неужели ей не удастся разоблачить строгую гувернантку, вывести ее на чистую воду? То-то было бы здорово – выставить ее на всеобщее посмеище! Что бы она тогда запела о правилах хорошего тона и безупречного поведения? Да и Анатолю здорово попало бы, папаша уж точно его выпорол бы!

Зина случайно поняла свою ошибку. Она не в то время следила за любовниками. Обнаружив отсутствие гувернантки в ее комнате после обеда, она тайно последовала за ней теперь, в это время, днем, и была вознаграждена. Оставалось решить, что теперь делать с драгоценной тайной, как с наибольшей пользой для себя ее употребить, заставить и братца, и гувернантку бояться ее и плясать под ее, Зинину, дудочку. Как славно! Пусть только попробует теперь Розалия заставить ее зубрить ненавистные уроки, делать замечания о ее манерах! А Анатолю придется придержать свой язык и перестать изводить сестру своими насмешками и прочими глупостями!

Глава 4

Сердюков с удивлением прислушивался к самому себе. В его душе какие-то голоса пели самые разные песни. С одной стороны, уже завтра он должен сесть на поезд и отправиться назад, в Петербург, в привычную горячку службы. Там все покатится по накатанной дорожке. Департамент полиции, сыск, мошенники, душегубы, погони, головоломки преступлений... И он, Сердюков, в центре всего, он на своем месте, он – один из лучших! Прелесть, как хорошо!

Но, с другой стороны, этот совершенно незнакомый внутренний голос говорил, что жизнь состоит не только из трудов праведных. Что есть еще и теплое море, и яркие, с головокружительным ароматом, цветы. Открытая веранда в ресторане, жареная кефаль, маслины и терпкое красное вино в бокале. Высокое небо и ослепительное солнце. Шуршание прибоя о мелкие камешки, по которым так приятно пройти босыми ногами, доселе пребывавшими запертыми в форменные сапоги. Есть и приятная нега в теле, и нежелание встать с постели, да и к чему? Нет, это опасный голос, он должен замолчать навеки!

Константин Митрофанович посетил в последний раз доктора, выслушал его наставления о необходимости правильного образа жизни и пожелания продолжить лечение на следующий год. Непременно, непременно! Сердюков почти вприпрыжку направился к себе, надеясь не повстречать по пути знакомое семейство. Иначе придется обмениваться адресами, пообещать делать визиты в Петербурге. Боже упаси! Но Боровицких нигде, по счастью, не было видно. Следовательно беспрепятственно добрался до своего номера. Предстояло собраться в путь. Вещей у Сердюкова с собою было немного, и Константин Митрофанович довольно быстро покончил с этим делом. Неожиданно раздался стук в дверь. На пороге стояла горничная, ее лицо выражало растерянность и испуг. Накрахмаленная наколка сбилась набекрень, видимо, от быстрой ходьбы.

- Сударь, доктор и управляющий просят вас без промедления вернуться к ним!
- Я разве не все оплатил? Или что-то случилось?
- Случилось, господи, боже мой! Случилось! Просили вас прийти тотчас же!
- Да что такое?!
- Не велено говорить, пойдемте, ваше высокоблагородие!

Сердюков раздраженно пожал плечами. Еще чего не хватало! Однако он последовал за горничной, которая, несмотря на полноту, быстро бежала впереди него.

В кабинете управляющего лечебницей следователь застал самого управляющего и доктора, обоих в крайне возбужденном состоянии. Господа эти были чем-то неуловимо похожи между собою. Невысокие, плотные, почти в одинаковых светлых пиджаках. И тот и другой носили аккуратные бородки и имели одинаково озабоченный вид, так что поначалу Сердюков, хоть он и хорошо всегда запоминал лица своих собеседников, путал первые несколько дней доктора и управляющего.

– Благодарю вас, господин Сердюков, что вы не замедлили вернуться! – вскричал доктор. – Приношу вам свои извинения за то, что мы потревожили вас, но у нас безвыходное положение, сударь! И мы вынуждены просить вашей помощи уже как полицейского следователя.

– Что же случилось, господа?

– Умер один из наших пациентов. И вы знаете его. Это господин Боровицкий! – сокрушенно произнес доктор.

– О господи! – невольно вырвалось у следователя. А он-то еще радовался, что не простился с семейством! Сердюкову стало стыдно перед самим собой. – Но, господа, я мало что смыслю в санаторном лечении, но полагаю, что, как и во всяком лечебном заведении, такое иногда случается?

– Нет, господин Сердюков. В нашем заведении такого несчастья никогда не было! И не могло быть – до сего дня! Мы неукоснительно следим за состоянием здоровья наших пациентов, вы сами в этом убедились, как наш клиент. Вы же понимаете, как подобный случай повлияет на нашу репутацию, что подумают иные клиенты, узнав, что в нашей лечебнице случаются подобные прискорбные происшествия! – продолжал стенать доктор.

– И все же господа, я не понимаю, при чем тут полиция, если один из ваших пациентов умер? Ведь он был болен. Не так ли?

– Да, господин Боровицкий не был здоровым мужчиной, – в разговор включился управляющий. – Но его недуг не носил смертельного характера. К тому же обстоятельства его смерти нам пока что не совсем понятны. И мы бы хотели их прояснить, но очень аккуратно, чтобы не повредить репутации нашего заведения и не испугать других пациентов. К тому же, насколько я знаю, вы были знакомы с покойным и его семьей. Это обстоятельство могло бы вам помочь в расследовании.

– В расследовании?! – изумился Сердюков. – Вы хотите, чтобы я задержал свой отъезд и взялся за это дело?

– Именно так, – подтвердил управляющий, – разумеется, мы берем на себя все расходы по вашему предыдущему лечению, по вашему пребыванию здесь на время расследования, и, безусловно, мы выплатим вам ту сумму, которую вы сочтете нужным запросить с нас в подобном случае.

– Я должен телеграфировать в Петербург, испросить позволения начальства... – засомневался следователь.

– Умоляю вас! – заломил руки доктор. – Всего несколько дней задержки! Спасите нас! Мы не останемся в долгу!

Сердюкова терзали сомнения. Остаться и приняться за расследование? В конце концов, какая разница, где ему вновь приступить к делу! К тому же очень жаль беднягу Боровицкого, а уж о его осиротевшем семействе нечего и говорить!

Следователь хрустнул сплетенными пальцами. Доктор поморщился. Да-с, плохое состояние суставов!

– Господа! В сложившихся обстоятельствах и христианский долг, и мой долг как полицейского принуждают меня согласиться выполнить вашу просьбу. Чрезвычайно прискорбно, что мне придется расследовать смерть отца многодетного семейства, с которым я сам был знаком. Он казался мне приятным безобидным человеком. Что ж, пройдемте к месту происшествия! – И Сердюков решительными шагами двинулся к двери.

Втроем с доктором и управляющим они подошли к помещению, в котором пациенты принимали грязевые ванны.

– Сегодня мы отменили все процедуры, дожидались вас, чтобы все оставалось нетронутым, – прошептал управляющий.

– Разумно, – похвалил предусмотрительного управляющего полицейский.

Помещение было знакомо Сердюкову. Он сам тут почти каждый день принимал процедуры. Дощатый домик, прямо на берегу лимана, откуда добывалась лечебная грязь. Огромные горы черной блестящей грязи, в рост человека, специальными черпаками вытаскивались со дна мелководного лимана и нагревались на солнце. Постепенно поверхность этих холмиков тускнела, теряла свой блеск и становилась очень горячей. Два мужика ровняли холмики в лепешки и делили их на необходимое количество пациентов. Кого целиком укутывали в плотную тягучую массу, кому оборачивали вокруг шеи «египетский воротник», кому клали ее на прочие болезненные места.

Полицейский приблизился к топчану, стоявшему в углу комнаты. Нечто черное и бесформенное, казалось, расплзлось на поверхности лежака, так, что, казалось, вот-вот упадет. Сердюков пригляделся и в ужасе отпрянул. Эта черная липкая куча раньше была жизнерадост-

ным, румяным господином Боровицким! Грязь покрывала его целиком, даже лицо. Белыми были только белки глаз, вылезших из орбит. Все лицо и тело покойного было искажено судорогой, рот открыт, остатки пены засохли на подбородке. Грязь застыла в волосах, и они стояли дыбом, что придавало покойнику еще более ужасающий вид.

– Бог мой! – полицейский перекрестился. – Царствие небесное!

Сердюков часто видел покойников, но вид несчастного Боровицкого потряс его до глубины души. Какая ужасная смерть! Полицейский притронулся к грязи. Она уже давно остыла.

– Когда, по-вашему, это произошло? – спросил он у доктора.

– Видите ли, мы грязи, как вы сами знаете, даем с десяти часов. Но ведь у господина Боровицкого на сегодня не было назначения! К тому же я в последние дни не предписывал ему процедур, которые охватывали бы все тело, да еще и при высокой температуре! У него пошаливало сердце. Как он оказался сегодня в грязелечебнице, кто наложил на его тело такую массу грязи? Несомненно, у него просто не выдержало сердце.

– К тому же, судя по выражению его лица, он узрел пред смертью нечто ужасающее, – задумчиво произнес следователь, вглядываясь в искаженные черты покойника.

– Или понял, что смерть его неминуема, – добавил доктор. – А помощи нет!

– Но кто сегодня работал здесь? Кто-то из фельдшерниц или медицинская сестра?

– Мы уже опросили всех. Никто не накладывал грязь Боровицкому в этот час. На этот час сегодня вообще не было назначений!

– Но ведь кто-то сделал это! Не мог же он сам так измазать себя и умориться до смерти!

– Вот то-то и оно! – поднял палец управляющий. – Вот почему мы попросили вашей помощи в этом странном деле.

Сердюков с доктором еще долго осматривали труп. Необходимо было побыстрее закончить с этим малоприятным занятием, чтобы омыть покойного и убрать его с глаз долой. Ведь на следующий день лечебница должна как ни в чем не бывало отпустить грязи!

Покинув грязелечебницу, полицейский двинулся к номерам семейства Боровицких. Константин Митрофанович невольно медлил, его просто ноги не несли. Единственное для него облегчение заключалось в том, что ужасающую новость управляющий уже сообщил семье. Потоптавшись перед дверью номера, следователь наконец собрался с духом, постучался и вошел.

Боровицкие занимали просторный трехкомнатный номер, в котором им было довольно-таки тесно. Сердюков ожидал услышать крики и плач, но вокруг стояла тишина. Навстречу ему быстрыми шагами вышла, с красными от слез глазами, Зина.

– Вы знаете?! – вскричала она. – Ах, вижу, знаете!

Она всплеснула руками и осталась стоять в оцепенении.

– Зинаида Ефремовна! Приношу вам свои глубочайшие соболезнования! Какое страшное несчастье для вашего семейства!

После этих слов Сердюкова, высказанных с самым искренним чувством, Зина бросилась ему на шею. Он аккуратно погладил ее по спине и тихонько отстранил от себя.

– Я бы хотел высказать свои соболезнования и госпоже Боровицкой. Могу ли я видеть ее?

Зина с плачем повела полицейского в соседнюю комнату. Там на широкой двуспальной кровати лежала пластом несчастная вдова. Она смотрела в потолок пустыми невидящими глазами и беззвучно шевелила губами.

– Вот, поглядите. И так – с самого утра. С того самого мига, как узнала. Упала и лежит!

– А дети? Где же дети?

– Я их отослала, с няней! Они еще ничего не знают, да и не понять им!

– Сударыня! – Сердюков приблизился к кровати. – Примите мои искренние соболезнования! – Полицейский присел на краешек кровати и взял Боровицкую за безжизненно про-

стертую на покрывале руку. – Таисия Семеновна! Я тут не только как ваш добрый знакомый. Я буду вести дело о смерти вашего супруга. Доверьтесь мне, ради бога, я попытаюсь вам помочь.

– Ах! – снова всплеснула руками Зина. – Я так и знала, что это не просто случайность! Это убийство, убийство!

– Почему вы так подумали? – следователь обернулся к плачущей девушке.

– Он не должен был нынче брать процедуры. Поэтому вчера в ресторане он выпил много вина. Надо знать Анатоля – если доктор предписывал ему накануне процедур не есть тяжелой пищи, не пить вина, он неуклонно это выполнял!

– Но почему он сегодня утром пошел в грязлечебницу, кто его туда пригласил? Доктор? Медицинская сестра?

– Я не знаю, – растерянно покачала головой девушка. – Я была, как всегда, занята с детьми!

– Таисия Семеновна, голубушка! Посмотрите на меня! – Следователь легонько потрепал Боровицкую по щеке. – Вы меня слышите?

Женщина замотала головой и застонала.

– Как я буду жить без него! Смерти! И мне смерти! – Боровицкая привстала, а потом снова откинулась на подушки.

Зина из-за этих слов невестки зарыдала еще пуще и кинулась прикладывать к голове вдовы холодный компресс.

– М-да! – протянул следователь. – Таисия Семеновна! Может, вы все же что-нибудь припомните?

– Он... он пройтись вышел, после завтрака... чтобы не ждать, пока детей соберут гулять. Его это раздражало... Крики, плач, возня... Долго... Уговорились встретиться в парке лечебницы, в тени... Мы долго ждали, вернулись сюда. Потом, – она начала судорожно всхлипывать, – потом пришел управляющий и сказал... Он сказал... А... А!..

Дальше продолжать разговор с вдовой было бессмысленно. Она зашлась в истерическом плаче. Зина металась вокруг, трясущимися руками накапала успокоительное лекарство и себе, и Таисии. Позвали горничную, велели ей принести холодной воды. Сердюкову ничего не оставалось, как удалиться.

Выйдя из здания гостиницы, полицейский увидел, как по дорожке, прямо навстречу ему, с радостным шумом приближается веселая ватага детей Боровицких под приглядом няньки. Сердюков вздрогнул и поспешил перейти на другую сторону дорожки и свернуть за угол.

Глава 5

Погода на Иматре переменилась внезапно. Разом исчезла жара, пропал зной. Небо затянулось серыми тучами, и уже третий день подряд по крыше дома барабанил дождь.

– Ах, какая досада! Нет бы, пролилось грозой, да и распогодилось! Так ведь нет, дождь тянется и тянется, точно осенью! – недовольно ворчала в гостиной Полина Карповна.

Как добропорядочная супруга, она вязала мужу теплые носки на зиму. Но работа явно не клеилась. То петля соскользнет, то она нить сильно затянет, то ошибется в счете. Нитка запуталась! Тьфу, господи, боже ты мой!

Боровицкая с раздражением опустила спицы на колени и уставилась в окно. Муж с утра не выходил из своей комнаты, все читал газеты. Молодежь, проскучав два дня взаперти, надумала идти в лес по грибы. Желтовскому послали записку – составить компанию, и весь вечер собирались. Но Сережа на этот раз не принял приглашения, и молодые Боровицкие пошли одни. В обществе Розалии Марковны. Полина Карповна встала – спина затекла. Распахнула окно. В комнату ворвался упоительный свежий ветер, принесший с собою запах сырой травы и мокрых елей.

– Как славно в лесу после дождя! – воскликнула Зина, вдыхая ароматы леса. – Только уж больно сыро!

– Да и грибы что-то не попадаются! – иронично заметил Анатолий, кивнув в сторону пустой корзинки сестры.

– Это все потому, что ты впереди меня бежишь и все мои грибы собираешь, – захныкала Зина.

– Зина, гриб не любит суеты, тебе надо проявить терпение, – наставительно произнесла Розалия Марковна. – Я же учила вас, по каким приметам ищут грибы. Видите мухомор? Значит, надо искать вокруг: где-то поблизости прячется белый гриб. А высокая трава кого скрывает? Чья это красная шляпка?

И Розалия Марковна, грациозно наклонившись, выхватила из мокрой травы плотный крепкий подосиновик.

Зина надулась. Грибное счастье гувернантки совершенно невыносимо! И почему грибы так и прыгают ей навстречу? Как заговоренные! Даже Анатолию не удастся набрать столько!

– Зато я вместо грибов видела в лесу нечто иное! – злорадно произнесла Зина и поправила на голове платок.

– И что же вы такое видели? – спокойно, с улыбкой спросила госпожа Киреева. – Неужто кикимору?

Зина оглянулась. Сама она кикимора! «Ну, сейчас ты у меня получишь, сразу перестанешь улыбаться своей постоянной вежливой улыбочкой!» – подумала она.

Брат отошел в сторону и уже не слышал разговора девушек.

– Я видела нечто неприличное, ужасно неприличное! – Зина тянула удовольствие, желая попытать гувернантку смутными подозрениями.

– Вероятно, вы имеете в виду книжку непристойного содержания, которую вы прячете у себя в постели? Там и впрямь очень неприличные картинки! – гувернантка по-прежнему оставалась невозмутимой. Зина же мгновенно стала пунцовой из-за этого неожиданного разоблачения.

– Вовсе нет! Вовсе не книжку! – вскричала Зина, уличенная в недостойном проступке. И кем! – Я видела, как вы целовались с моим братом. И не только целовались! На траве валялись! И юбка у вас была испачкана!

– Наверное, о том, что подглядывать за взрослыми нехорошо, вы тоже прочитали в вашей книжке! – засмеялась Розалия Марковна.

Зина опешила. Гувернантка не испугалась, не смутилась, не стала шикать на нее и умолять сохранить все в тайне.

– Я все маменьке расскажу! – зло выпалила девушка, надеясь, что хоть эта угроза испугает Кирееву.

– Когда? – вдруг неожиданно оживилась ее собеседница. – Когда вы собираетесь совершить столь высоконравственный поступок?

Розалия Марковна сорвала травинку и закусила ее зубами. Взгляд ее стал внимательным и напряженным, глаза сузились, точно у кошки.

– Нынче же! – выдохнула Зина.

– Очень хорошо! – Розалия Марковна удовлетворенно кивнула головой. – Тогда поспешим домой, ведь вам так не терпится! Так мучительно хранить тайну, да еще какую! Точно горячий пирожок под рубашкой!

Гувернантка двинулась вперед как ни в чем не бывало, поднимая ветки и раздвигая палочкой траву в поисках грибов. Зина осталась стоять, совершенно ошарашенная. Опять все вышло совсем не так, как она себе представляла!

– Розалия Марковна! Да у вас полная корзина! – послышался голос молодого Боровицкого. – А мне кажется, тут и нет ничего, я все вокруг обшарил и ни одного гриба не нашел! Хотя запах вокруг стоит прямо грибной!

– Еще бы! – засмеялась Киреева. – Вы же наступили на гриб!

Они оба одновременно наклонились к траве и соприкоснулись лбами.

– Какие, к черту, грибы! Я только тебя и вижу! – прошептал Анатолий.

– Тс-с, – Розалия приложила пальчик к губам, удовлетворенно улыбнулась и оглянулась. Где это там задержалась ее наблюдательная подопечная?

Выйдя из зарослей высоких елей, Зина с испугом остановилась в нескольких шагах от брата. По выражению его лица девушка поняла, что гувернантка уже сообщила ему, что их тайна раскрыта.

– Так-с, значит, ты, Зинуля, ненаглядная моя сестрица, ничего-таки не набрала, ни одного грибочка? Плохо смотришь по сторонам! Не туда глядишь! – и он с силой вырвал корзинку из рук перепуганной сестры.

Молодой человек сильно пнул ногой корзинку, она полетела в сторону, ударилась о ствол дерева и развалилась.

Желтовские в плохую погоду не скучали никогда. Им обоим всегда было чем себя занять. Александра Матвеевна страстно любила читать. И не просто читать, а с разбором. Не всякие там глупости, предназначенные для «неразвитого» женского ума, а настоящие труды по истории, философии. Высокую поэзию, иностранных авторов. Она и Сережу приобщила к этому занятию, рассказывая мальчику, что его покойный отец обрел столь блестящий ум и широкие познания именно благодаря систематическому и правильному чтению. Начитавшись до головной боли, мать и сын с жаром принимались обсуждать прочитанное. Вольтер, Руссо, Дидро, Гюго, Дюма были просто членами семьи. Результат не замедлил сказаться. Сережа с легкостью выдержал экзамены, поступил в училище правоведения и слыл там одним из лучших учеников. И даже теперь, летом, он не расставался с книгой. Правда, в последние годы у юноши появилась еще одна страсть. По утрам он непременно образом изнурял свое тело физическими упражнениями. Мать со страхом наблюдала, как он поднимает гантели – вдруг у него что-нибудь лопнет внутри? Сергей мог часами крутить педали велосипеда, объезжая живописные окрестности Иматры. Александра Матвеевна хоть и тревожилась, но не без внутреннего удовольствия наблюдала, как из тщедушного, худого подростка вдруг сделался крепкий статный молодой человек. Вот и теперь, несмотря на мелкий моросящий дождь, он накинул плащ и оседлал своего двухколесного друга. Вчера от Боровицких принесли приглашение принять участие в прогулке за грибами, но, к удивлению Желтовской, сын на сей раз повертел записку в

руках и ответил вежливым отказом. Александра Матвеевна видала, что Сережу что-то гнетет, что он стал реже бывать у Боровицких и вообще, уже без прежней охоты ездил к ним. Она попыталась было заговорить с ним об этом, но Сережа отшутился, и это еще больше растрожило душу матери. Ведь они всегда были так близки! Она всегда знала, что происходит в душе ее сына. Но теперь он вдруг захлопнулся, как раковина. Что ж, мальчик вырастет, сам попытается осмысливать жизнь. Ничего, у него столько мудрых советчиков! Она бросила взгляд на корешки многочисленных книг. Однако Сереже уже давно пора бы и вернуться.

Александра Матвеевна с нарастающим беспокойством открыла крышечку часиков, висевших на цепочке у нее на груди. Часики издали легкий мелодичный звон и показали четверть пятого. Может, он все же заехал на велосипеде к Боровицким?

Глава 6

Домой, ему уже давно пора домой. Да и ноги устали крутить педали. Только пусть уж лучше изнуряющая усталость тела, чем непроходящая боль души! Этот гибкий стан, эти выразительные миндалевидные глаза, высокая грудь, от вида которой у него просто перехватывает дыхание! Сережа на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их... прямо перед ним, в морозе дождя, на дорожке стояла его мечта, его греза – Розалия Марковна.

Молодой человек тряхнул головой, отгоняя наваждение, прекрасное видение засмеялось и исчезло. Велосипед наехал на корень старого дерева, и юноша, не удержав равновесия, упал. Сережа ударился очень больно, потер ушибленное место и с трудом поднялся. Что ж, это даже хорошо, что он упал. С неба – на землю! Размечтался! Приди в себя, дружище! Что толку мучиться несбыточными мечтами? Не суждено, нет, не суждено сбыться твоим снам и грезам!

От горького осознания своего бессилия сердце его сжалось, захотелось плакать. Сережа даже всхлипнул слегка, ведь никто его не видит в этот миг. Он покатил велосипед рядом с собой – слишком неровной была дорожка под ногами. Он далеко заехал, дома и дачи скрылись за деревьями, вокруг высились могучие ели, пружинил мох, покрытый брусничными кустами. Тут уж дорога не для велосипеда. Надо вернуться обратно.

Сережа брел, опустив голову. Светлые волосы падали ему на лицо, слезы текли словно сами собою. Мама давала ему разные книги, и он читал их со всею жадностью юного пытливого ума. И постепенно в его сознании возник некий образ, зыбкий, но притягательный. Образ его будущей возлюбленной, его невесты, его богини, которой он будет поклоняться и любить ее всей душой. Поначалу все это было только смутным предчувствием. Но однажды оно вдруг обрело более явственные, реальные черты. Возвращаясь зимой домой из училища, Сережа вдруг увидел идущую навстречу ему по тротуару молодую девушку. Она зябко прятала носик в пушистый ворот шубки, а руки – в муфту. Проходя мимо него, девушка вдруг поскользнулась, охнула и едва не упала. Сережа подхватил ее, да так, что она очутилась в его объятиях.

– Ах, сударь! Простите! – Она сверкнула на него своими выразительными глазами.

– Это вы меня простите! – пролепетал молодой человек, сраженный взором этих глаз. Он поклонился и хотел было представиться, но девушка, подарив ему еще одну волшебную улыбку, устремилась дальше по улице и быстро скрылась из виду.

С этих пор мечты Сережи обрели зримые черты той прекрасной незнакомки. Он рисовал ее в своем воображении – в легком платье, с распущенными волосами; они вели долгие захватывающие беседы. Они кружились в вальсе, он держал ее за тонкую талию, вдыхал аромат ее кожи, прикасался к щеке. А рядом были ее губы – властные, зовущие, страстные... Ох!..

И каково же было удивление Сергея, когда, приехав летом на дачу в Финляндию к Боровицким, он увидел там свой идеал! В первый момент у него что-то так сильно перехватило в груди, что он не смог вымолвить ни слова. Несколько дней юноша не мог ни есть, ни спать. Одна мысль точила его. Она тут, рядом, почти в двух шагах, полчаса ходьбы! Как хорошо, что Боровицкие без конца их с маменькой приглашают, не надо изобретать повода для визита. Но плохо иное. Он – в присутствии своего ангела – и двух слов связать не сумел! Когда же наконец Сережа немного успокоился, взял себя в руки и попытался обратить на себя внимание Розалии Марковны, тут его и поджидала настоящая трагедия. Она была влюблена, несомненно, влюблена! В Анатоля! В эту красивую пустоту! Сереже не нужно было никаких фактов, он просто это почувствовал, так как и сам заболел любовью. Он, точно зверь, чуял, что чувство это разлито вокруг, по всему дому Боровицких. Оно сияет ярким нимбом над головами молодых людей. Ему, несомненно, не тягаться с Анатодем! Он рядом с кузенком – точно мышь, рожденная в подполье! Анатодем подобен яркому павлину: тут тебе и оперение, и осанка!

Ах, боже мой!

Сережа встряхнул велосипед и поднял взор от дороги. В нос ему ударил запах гари. Пожар? Молодой человек поспешил вперед и очень скоро увидел перед собой клубы черного дыма, языки огня и суетящихся вокруг людей. Горела церковь Святой Троицы, единственный православный храм в округе. Уже прибыла пожарная команда, окрестные жители, православные и лютеране, спешили на выручку. Сережа бросил велосипед у дороги, включился в работу и принялся подносить ведра с водой и засыпать песком огонь.

– Что случилось-то? – спросил он на ходу у мужика, катившего бочку.

– Да говорят, молния ударила в дерево, от него и загорелось.

– А разве была гроза? – изумился Сережа. Впрочем, пока он шел по дороге и предавался печальным размышлениям, что-то, кажется, и впрямь гроыхало вдаль, да только он не обратил на это внимания. Дождь, гроза – какая разница!

В это время раздался странный звук, треск, здание церкви покосилось и начало крениться, заваливаясь набок, как карточный домик.

– Спасайся! Разойдись! – слышались крики.

Храм рухнул со стоном, подобно умирающему человеку. В небо взлетел огромный столб ярких веселых искр. И в тот же миг раздался чей-то ужасающий крик, почти вой. Это кричала матушка, жена старенького попа, погребенного под крышей рухнувшей церкви. Толпа ахнула, кто-то заплакал, кто-то молился.

– Господи, прими его душу!

Сережа перекрестился и прошептал молитву побелевшими губами. На душе у него стало черно, как от пожара вокруг.

Разразившаяся вдруг гроза застала молодых людей недалеко от дома. Промокшие до нитки, они вбежали на веранду просторной дачи, отряхивая с себя воду. Полина Карповна встретила молодежь легким ворчанием: уж больно долго их не было, да еще под дождь попали, насквозь вымокли...

– Ну, показывайте вашу добычу. И это все? Сынок, опять Розалия Марковна больше всех набрала! Зина, а что с твоей корзиной приключилось?

– Я, маменька, споткнулась о корягу, упала прямо на корзинку, она и сломалась, – понурилась дочь.

– Вечно с тобой что-нибудь эдакое случается!

Позвали молодую финку-чухонку, помощницу повара. Та с недоумением воззрилась на грибы: разве можно это есть? Однако безропотно потащила корзины в кухню.

– Забавные эти чухонцы! – засмеялся Анатолий. – Не признают белых, коровий гриб у них такой сорт называется!

– А какие грибы они признают? – поинтересовалась гувернантка.

– Да, кажется, только лисички.

Девушки поспешили наверх, переодеваться. Анатолий замешкался внизу. Ему показалось, что мать хочет сказать ему нечто особенное.

– Что, маменька?

Лицо Боровицкой приняло торжественное и немного загадочное выражение.

– Я сегодня получила очень важное известие, – она сделала паузу. Сын нетерпеливо переминался с ноги на ногу, желая поскорее снять сапоги. – Гнедины прибыли! Они тут, неподалеку! На курорт приехали, отдыхать! – выпалила Полина Карповна.

– Да? – Анатолий не знал, как ему следует отнестись к этой новости.

– Они с Тосенькой приехали. И к нам заедут, может быть, даже погостят день-два.

– У нас? Погостят? – испугался Анатолий.

– А отчего ты волнуешься? – Полина Карповна не поняла причины волнения сына. – Я всю зиму их приглашала. Я надеялась, ждала. Простыни новые припасла. Серебро столовое с собой сюда прихватила. Нам нечего стыдиться, мы сможем их и на даче принять пристойно.

За стол тоже можешь не волноваться, даром я, что ли, из Петербурга вожу с собою повара, никогда не нанимаю местную прислугу, чтобы не оконфузиться!

– Да я вовсе не о том, маман! – Анатолий с досадой махнул рукой и хотел было устремиться к себе, наверх.

– Постой! – она придержала его за рукав. – Я понимаю твоё волнение. Я тоже сама не своя от этой новости. Но ведь это как раз то, о чем мы все тайно мечтали: наконец появилась для тебя такая возможность. Такая партия! Такая удача! Они смирились, они сами ее сюда везут, пойми это! Ты не должен упустить эту возможность! Ведь Гнедин-то – действительный статский советник! Какую протекцию он может оказать своему будущему зятю!

Анатолий замычал что-то нечленораздельное, замотал головой и вырвался из цепких пальцев матери.

– Учти, отец уже предупрежден, он намерен поговорить с тобой, – крикнула Боровицкая в спину уходящему сыну. – Нынче же!

– О, господи!

Во время обеда за столом царила напряженная тишина. Раздавалось только звяканье приборов.

– Зина, ты почему ничего не ешь и надутая такая, как мышь на крупу? Опять Анатолий тебя чем-то обидел?

Зина подняла голову и встретила напряженный, злой взгляд брата и ироничную усмешку гувернантки.

– Мама, Зина злится из-за того, что она не набрала грибов, – сказал как можно спокойнее Анатолий. – Ей не дает покоя корзина Розалии Марковны, куда уж их и класть было некуда.

Зина набрала в грудь воздуха и негромко произнесла:

– Отчего некоторые люди слишком высокого о себе мнения? Без роду, без племени, а туда же, в калашный ряд! И только потому, что Бог ее наградил красотой и она книжечек много умных прочитала?

Боровицкие с изумлением воззрились на свое дитя. Что это на нее нашло? Ответ на реплику Зины последовал незамедлительно.

– А те, кого Создатель не наградил ни красотой, ни умом, ни доброй душой, должны быть еще более скромными. Богатство, благородное происхождение – это еще не повод задирать нос! – резким тоном парировала гувернантка.

Степень изумления старших Боровицких все возрастала. Этого еще не хватало – чтобы гувернантка позволяла себе дерзкие рассуждения, споры, да еще и со своей подопечной!

– Конечно. Можно строить куры, вить амуры в надежде уловить богатого жениха, и вырваться из бедности и безродности. Да только не выйдет у вас ничего! Не выйдет! – Зина прихлопнула ладошками по столу.

– Это вы о чем? – угрожающе рыкнул Ефрем Нестерович. – Я желаю понять, что происходит в моем доме!

Розалия Марковна явно ожидала, что Зина продолжит и выдаст ее злополучную тайну. По лицу Анатолия расплзлась предательская бледность.

– Зина! Прекрати! – с нажимом произнес молодой Боровицкий.

– Нет, я... – девушка запнулась. Все взоры за столом были устремлены на нее. Ей вдруг сделалось страшно.

– Ну, что же вы, Зина? – Розалия Марковна смяла в руке салфетку и положила ее на стол перед собой.

– Уж не знаю, какая кошка между вами пробежала, – сердито продолжил хозяин дома. – Только, милейшая Розалия Марковна, меня совершенно не устраивают ни тон, ни содержание бесед, которые ведутся вами в присутствии моей дочери, вашей воспитанницы, и всего моего семейства. Я, разумеется, отдаю дань вашей удивительной образованности, но вольнодумство и

непочтительность, которые вы столь открыто проявляете в последнее время, переходят всякие разумные рамки. Не знаю, что с вами обеими случилось, но только я бы желал не слышать более всех этих дерзких вольнодумных рассуждений. Я желал бы видеть в своем доме прежде всего гувернантку. Именно гувернантку! Подумайте над моими словами!

– Разумеется, вы можете отказать мне от места! – спокойно пожала плечами госпожа Киреева. – Но вовсе не означает, что я тотчас же покину вашу семью.

– Что вы такое говорите?! Вы намекаете, что мы не сможем сразу выплатить вам все жалованье? – всколыхнулась Полина Карповна.

– Нет, я... – но Розалии Марковне не удалось закончить фразу, да ее уже и не услышали.

В этот миг послышались чьи-то быстрые шаги, дверь распахнулась, и в столовую ворвался Сережа. Его лицо и руки были перепачканы сажей, волосы спутались.

– Сереженька, голубчик мой, что с вами такое приключилось?! – всплеснула руками Боровицкая.

– Церковь Святой Троицы сгорела, батюшка на пожаре погиб! – выпалил юноша.

– Сгорела?! Целиком? – Анатолий вскочил. – Дотла?

Сережа, Анатолий и Розалия молча смотрели друг на друга. Розалия вдруг тоже побелела и закусила губу. Зина с удивлением заметила на лице гувернантки то, что так жаждала увидеть. Испуг и растерянность.

Глава 7

Ссора за столом завершилась суетой вокруг Желтовского. Ему принесли воды, чтобы он мог привести в порядок руки, лицо, платье. Усадили его за стол, и дальше весь разговор велся вокруг сгоревшей церкви и смерти священника. Розалия Марковна, как и Зина, более не про- ронили ни слова. Стало темнеть. Ветер стих, деревья стояли неподвижно, с них изредка капало. Воздух был насыщен влагой. Уставший и поникший Сережа заторопился домой: маменька, должно быть, уже с ума сходит. С уходом Желтовского столовая вмиг опустела. Никому не хотелось затягивать напряженную обеденную атмосферу.

– Вот, что, сынок, – отец решительно стукнул трубкой по столу. – Мать тебе сообщила о визите Гнединых?

Анатолий весь сжался, как собака, которая ждет удара палкой от хозяина.

– Подумай на досуге, как бы тебе половчее и покрасивее поступить. В подобных делах я тебе не советчик, с матерью поговори. Да только знай: второй раз тебе такое везение не выпадет! Так закрутить голову барышне! Да еще какой! Лови удачу и не будь дураком, а то будешь, как я, всю жизнь...

Тут старый вояка понял, что сболтнул лишнее, и смолк. Молчал и сын. Повисла неловкая пауза. Полковник снова стукнул по столу трубкой, хотя надобности в этом не было никакой.

– А отчего Зина повздорила с Розалией, и почему это гувернантка ее в последнее время так распетушилась? Не знаешь?

– Желаете, чтобы я поговорил с ней? – встрепнулся Анатолий. – Так я, пожалуй, сейчас и пойду!

Боровицкий не успел ничего ответить, как молодой человек убежал прочь от опасных разговоров. Просмыгнув к комнате гувернантки, он быстро и еле слышно постучал в ее дверь условным стуком. Через полчаса молодые люди встретились в своем потайном месте, несмотря на то что лес уже заволокли густые сумерки. Они едва различали силуэты друг друга. Молча обнялись.

Постояв так несколько секунд, Анатолий осторожно отодвинулся и попытался в темноте разглядеть лицо возлюбленной. Оно было сердитым и несчастным.

– Почему ты так напустилась на Зину сегодня? Она глупая девчонка, ты не должна обра- щать на ее выходки никакого внимания. Нам надо быть очень, очень осторожными!

– Сколько?

– Что – сколько?

– Сколько времени нам еще следует быть очень осторожными? Как долго они будут меня унижать, а ты будешь делать вид, что это тебя не касается?

– Роза, прошу тебя! Нельзя совершить ошибку, она может слишком дорого мне обойтись!

– Тебе?!

– Нам, конечно же, нам!

Он вновь хотел ее поцеловать, но на сей раз отстранилась она.

– Церковь сгорела, батюшка погиб, – значительным голосом произнесла Розалия.

– Это весьма печальное обстоятельство, но оно ничего, ровным счетом ничего не меняет. Ты не должна волноваться, все документы у меня.

Розалия отвернулась, в ее глазах сверкнули слезы. Анатолий с тоской подумал, что она сейчас заплачет, и тогда он пропал!

– Пойдем, пойдем к водопаду. Сейчас выйдет луна, такая красота! Помнишь, мы уже однажды любовались им ночью!

Спотыкаясь в темноте о корни деревьев, осторожно отгибая ветви, чтобы не пораниться, они двинулись к реке.

Река Вуокса около местечка Иматра удивительно живописна. Бурные потоки воды выгрызли в скалистых породах настоящий каньон, берега которого были утыканы острыми валунами. Серые, сиреневые, коричневые камни сливались с зеленью окружающего леса. Срываясь с возвышенности, вода кипела и бурлила, образуя высокий пенящийся водопад. Прогулки вдоль водопада являлись излюбленным развлечением публики. Во времена императора Николая Первого вокруг водопада разбили парк Круунунпуйсто. Повсюду построили уютные беседки, поставили скамейки, чтобы отдыхающие могли любоваться потоками бегущей вниз воды и красотой берегов. Тропинка, идущая вдоль реки, едва виднелась. По ней-то и днем ходить было небезопасно. Местами берег обрывался, осыпался и мог сыграть с гуляющими опасную шутку. Чуть оступился, и тебя уже несет стремительный поток, бьет об острые камни. Но Анатолий, проводивший на даче в южной Финляндии каждое лето, казалось, знал тут каждый камешек, каждый выступ. Он двигался впереди, временами останавливаясь и помогая Розалии, указывая ей нужный путь, поддерживая под локоть.

– Как жутко, что церковь сгорела! – девушка тяжело вздохнула. – И как все становится сложно! Ведь только Сережа теперь – единственный свидетель, только он и может все подтвердить!

– Да, да! – согласился Анатолий.

И тут он споткнулся, то ли о корягу, то ли из-за мысли, внезапно пронзившей его сознание. Розалия не обратила на это внимания и продолжала идти вдоль берега. Внизу грозно шипела и ворчала река. Вуокса всегда ее пугала.

Однажды Боровицкие и гувернантка присутствовали на местном развлечении. Один цирковой актер в поисках заработка решился на смертельный трюк. Вместе с маленькой дочерью он вздумал перейти по канату, натянутому прямо над бурлящим потоком. На обоих берегах собралась большая толпа, желающая поглазеть на отчаянного самоубийцу. Когда трюкач начал движение, балансируя с шестом, а вслед за ним – и его маленькая дочь, публика замерла, не могла дышать. Казалось, что любое дуновение ветра, слабое человеческое дыхание погубит несчастных. В середине пути мужчина вдруг чуть покачнулся, и толпа разом ахнула, как один человек. Он взмахнул руками, но удержался. Продолжала балансировать на канате и малышка, двигавшаяся вслед за отцом. Что заставило этих несчастных так рисковать жизнью? Какая нужда погнала их на это опасное приключение? Глядя на две фигурки, зависшие над бурлящей водой, бедная гувернантка думала тогда – как тяжела жизнь у тех, кто должен всю жизнь бороться за свое место под солнцем. Впрочем, как и она сама. Ей не приходилось рисковать жизнью, но всегда нужно было жертвовать своим достоинством, самолюбием, без конца подвергаться унижениям... Отец и дочь наконец добрались до возжеленного противоположного берега. Под бурные аплодисменты толпы они собирали свою дань. Дай бог, чтобы этих денег им хватило на все, на все! Утолив жажду острых ощущений, довольная публика расходилась в разные стороны. Ушли и Боровицкие, вместе с гувернанткой, пораженные этим зрелищем.

Почему именно теперь ей вспомнились эти несчастные, Розалия и сама не знала. Но с неожиданно проснувшимся страхом, содрогнувшись, она глянула вниз. В животе ее что-то неприятно екнуло и засосало.

– Осторожно! – крикнул Анатолий. – Тут очень неустойчивый берег, могут посыпаться камни. – Ступай вот сюда!

Розалия ступила, куда ей указал спутник, и почувствовала, как камень под ее ногой устремился вниз, а вслед за ним соскользнул и ботинок.

– Ах! – Девушка хотела ухватиться за руку Боровицкого, но почему-то промахнулась.

В следующий миг она уже цеплялась за колючие кустики и мох, росшие по самому берегу, но вес тела неумолимо тянул ее вниз.

Анатолий пытался вытащить девушку наверх, но сам потерял равновесие, зашатался и повис над водой, держась одной рукой за ствол дерева, а второй пытаясь ухватить Розалию.

– Роза! Держись! Держись! Ради бога!

Рука девушки выскользнула из его запотевшей от напряжения ладони. Анатолий попытался поймать ее за край одежды. Раздался предательский треск рвущейся ткани, а потом – звук падающих камней, ломающихся кустов, гулкий плеск воды и отчаянный вопль, который отныне будет звучать в его ушах всю жизнь...

Глава 8

Следователь полиции Сердюков уже почти целый день находился в кабинете управляющего. Перед ним прошли все, кто обслуживал пациентов лечебницы. Пот ручьем стекал ему за ворот, светлые волосы прилипли ко лбу. Но Константин Митрофанович не замечал этих неудобств, наоборот. Бодрость, необычайный прилив сил – вот что он ощущал. И он даже знал, почему. Причиной тому являлось единственное лекарство, помогавшее ему от любых хворей. Это его служба, его работа. Он вновь находился в своей стихии – приказывал, давал указания. Наконец-то он избавился от покровительственно-озабоченного тона доктора, которым тот обычно разговаривал со всеми пациентами.

– Что же у нас получается? – Следователь выхаживал по просторному кабинету взад-вперед длинными огромными шагами. – Получается, что ничего не получается! Никто ничего не видел, не предполагал... Странно, ведь тут не такое уж безлюдное место. Даже поздно вечером или днем, в самую жару, кто-нибудь пройдет по улице, или сидит у окна, или случайно откроет дверь номера в гостинице. Да мало ли что! А вы абсолютно всех работников пригласили сюда?

Следователь резко остановился рядом с уставшим, разомлевшим от духоты доктором. Тот пришел на смену управляющему, который в совершеннейшем изнеможении покинул комнату, где Сердюков долго и обстоятельно опрашивал персонал лечебницы. Можно было только диву даваться, как неумоимо, не раздражаясь, полицейский задавал людям одни и те же вопросы, как ловко он выуживал у них разные мелкие детали и подробности житейского бытия лечебницы. В ходе этих нескончаемых бесед вдруг выяснилось, что кое-кто слегка привороживает на кухне, кто-то не очень тщательно следит за чистотой простыней, и прочие неприятные обстоятельства. Управляющий уже и не рад был, что связался с этим въедливым полицейским. Что еще он раскопает? Умер Боровицкий, что ж, такова его печальная участь. Только ведь если не своей смертью и если вдруг кто-то... не дай бог, ох, не дай бог! Ведь так им и закрыть лечебницу придется, если о ней дурная слава пойдет, мол, пациентов тут морят, до смерти лечат.

Доктор, сменивший управляющего, молча следил за тем, как следователь меряет длинными ногами кабинет. Точно циркуль, совершенный циркуль! И нос длинный, острый, как иголка. Глаза маленькие, глубоко сидящие, внимательные. Такие глаза ничего не пропустят, они все видят!

– Что вы изволили мне сказать? – восторженно воскликнул доктор, когда полицейский повторил свой вопрос. – Извините, сударь, задумался. Все стоит у меня перед глазами эта картина. Покойный в грязелечебнице! Не идет из головы. Всех ли вы опросили? Сдается мне, что всех, хотя, впрочем...

– Насколько я помню, несколько раз грязь мне накладывала медицинская сестра очень странной наружности. Невысокая такая и горбатая. Где она?

– Да, да. Вы правы. Была у нас такая женщина. Лия Гирей ее звали. Она из местных жителей, из Евпатории. Да только она взяла расчет несколько дней тому назад, и больше я ее не видел. Очень сожалею, она весьма толковая была, расторопная, смывленная. Несмотря на свое уродство, довольно подвижная, ловко с больными управлялась.

– Я тоже обратил на это внимание. Сколько ей лет?

– Понятия не имею, не знаю, но она не старуха, хотя из-за горба выглядит, по меньшей мере, таковой. Прикажете за ней послать?

– Да, для порядка поговорим и с ней.

Пока дворник искал горбунью, Сердюков вновь двинулся на берег лимана, к домику для грязевых процедур. Покойника уже унесли, в помещении навели порядок и чистоту. Два мужика в закатанных до колен полотняных штанах готовились черпать лопатами грязь со дна

лимана для процедур следующего дня. Огромные корзины валялись на песке. Завидев следователя, они бросили лопаты и поклонились.

– Уже, поди, наслышаны о несчастье? – спросил следователь.

– А то ж! Наслышаны! – хором ответили мужики.

– Вы грязь когда берете, утром или с вечера?

– А это когда как, – ответил один из них, выглядевший побойчее напарника. – Когда доктор назначит, кому, сколько и в который час. Оттого и берем ее иногда с вечера, иногда рано утром. Чаще по утрам, ранехонько, чтобы она напарилась от солнца как следует. Разогрелась по сильнее. Иногда так нагреется, что в руки не возьмешь!

– Стало быть, и пациенту нельзя такое прикладывать?

– Этого мы не можем знать, это доктор знает. Он говорит, что горячая именно и лечит. Работники потоптались, ожидая дальнейших расспросов.

– А на сегодняшнее утро вы когда грязь брали?

– С вечера, батюшка, с вечера она тут оставалась. Мы ее приготовили, разложили. Только на нынешнее утро не имелось в ней надобности – не было пациентов.

– И вы утром не приходили?

– Нет, – оба собеседника замотали косматыми головами.

– Но кто же управился с грязью, дал ее пациенту? Любая из медицинских сестер могла обойтись без посторонней помощи?

Работники переглянулись.

– Нет, – неуверенно протянул один. – Сдается мне, что только одна горбунья и могла управиться сама, а прочие – нет, подсоблять им приходилось.

И тут Сердюков сам вспомнил: действительно, когда горбатая медсестра его обслуживала, они находились в грязелечебнице совершенно одни. В другие дни медсестре работники или другие сестры помогали управиться с тяжелой тягучей грязью.

– Значит, вас не было тут утром, и вообще никого не было?

Работники опять переглянулись.

– Брат мой тут спал, – засопел бойкий. – Только он рано уходит.

– Уходит? Значит, это было не в первый раз? – Следователь повел носом, как гончая, почувствовавшая добычу.

– Он как, выпимши, с супружницей своей повздорит, она его со двора гонит, так он тут иногда и спит. А что, тут тепло, чисто. Только вы господам-то не говорите, меня ведь сразу попрут прочь!

– А где он сейчас?

– Да вон, в теньке прохлаждается, где ему еще быть! Оболтус!

– Так позови его!..

Подошедший к ним мужичонка, помятого несуразного вида, угрюмо смотрел из-под насупленных бровей.

– Ты, брат, вот что: расскажи господину следователю, как ты тут дрых всю ночь.

– Как же, дрых! Зверюка моя меня из дому выгнала, все бока поотшибала. Маялся я, маялся на жестком топчане. Только задремал, а тут еще одна стерва явилась. Мол, чего это тут я улежся, убирайся, мол, вон, сейчас пациент придет! Надо грязь ему готовить.

– Какая стерва? – затаив дыхание, спросил Сердюков. Ему показалось, что он угадал, какой будет ответ.

– Как – какая, да эта их уродина горбатая! – процедил мужик и сплюнул в сторону.

– А пациента ты видел?

– Видел, видел, высокий такой господин, представительный, румяный. Я ведь недалеко уполз, на бережку отдыхал от трудов праведных. И слышал, что она ему говорила.

– И что же?

– Доктор, мол, ее прислал, назначение сделать и все такое, а дальше уж я не помню, чего было, сморило меня.

Оставив рабочих на берегу лимана ковырять следующую партию грязи, Сердюков двинулся в обратную сторону. Чудно выходит! Медсестра, на тот момент уже взявшая в лечебнице расчет, умышленно пригласила в неурочный час пациента, наложила ему грязь, вероятно, наперед зная, что в этот день она ему противопоказана, и тем самым убила его. Но зачем? Какой в этом смысл? Полицейский пытался припомнить свои собственные впечатления от этой женщины, но даже не мог вспомнить черты ее лица, как будто он его и не видел вовсе. Платок почти закрывал лицо. Старое или молодое? На ее руки, по которым можно угадать возраст женщины, он не обращал внимания. Да они почти всегда были в грязи. Молчаливая, кажется, он не слышал от нее ни слова, или ему это только казалось, потому что она выполняла все процедуры безукоризненно? Черт знает что!

Глава 9

Сережа брел в темноте домой, ехать на велосипеде уже было слишком опасно, поэтому он волок его за руль. Тяжелый железный конь упирался, и Сережа изнемогал. Казалось, что он уже целую вечность идет... Дорога свернула к реке. Можно продолжать идти прямо, так будет дольше, или свернуть, пойти по лесной дороге, ближе к водопаду. Там темнее, страшнее, но намного короче. Немного поколебавшись, Сергей свернул на тропу. И тотчас же его поглотил лесной сумрак. Наверху шелестели кроны, внизу за ноги цепляли корни, где-то за деревьями шумел водопад. Молодой человек остановился и прислушался к звукам леса. Темнота стремительно сгущалась. Свет луны почти не пробивался на тропу, и в какой-то миг Сергею показалось, что за ним кто-то наблюдает из чащи. Он невольно оглянулся, но ничего не увидел. Надо скорее выйти к реке, перейти по мосту, а там уже до дома и рукой подать. Сергей заторопился. Он почти бегом ринулся, пробираясь среди густых деревьев, вперед, к реке, где было светлее от луны и от воды. За его спиной стеной стояла непроглядная мгла, и из этой мглы в затылок юноше смотрели два огромных ярких немигающих глаза.

В тот момент, когда он оказался на берегу, ему показалось, что он услышал всплеск и далекий крик. Что это могло быть? Или ему уже от страха мерещится! Юноша ускорил шаг. Пройдя немного вперед, к мосту, он вдруг увидел – или ему опять показалось, – что в бурных потоках воды что-то несется. Он остановился и пригляделся. Господи Иисусе! Кажется, человеческое тело! Значит, ему не пригрезился чей-то крик. Кто-то сорвался с коварного берега и упал! Ужас охватил Сергея. Надо оказать помощь, но как? Отшвырнув велосипед, он побежал вперед. Где-то здесь, он точно помнил, было подобие спуска к самой воде. Вот если найти его в темноте и попытаться слезть, то можно успеть ухватить человека и вытащить его из воды! Молодой человек, встав на четвереньки, быстро пополз вниз, обдирая в кровь кожу рук об острые камни и колючие ветки кустарников. При этом он постоянно вглядывался в воду, стараясь не терять из вида плывущее тело. Вода безжалостно швыряла свою жертву, бросала ее на острые камни.

Сергей, стремясь как можно быстрее оказаться на берегу, даже и не подумал о том, что сам в любой миг может окунуться в стремительный поток. Последний небольшой отрезок спуска он просто прокатился вниз, и тотчас же его накрыли волны и брызги. И в то же мгновение мимо него вода пронесла злополучную жертву. Сережа перепрыгнул на один из камней, скрытых водой, и, хотя тот был очень скользкий, умудрился удержаться. Распластавшись на камне и держась за его осклизлый край одной рукой, он ухватил тело за одежду и потянул его к себе. Оно оказалось очень тяжелым, рука юноши напряглась так сильно, что, казалось, сейчас оторвется. К тому же вода с силой толкнула самого спасателя с камня. К счастью, он удержался на ногах, его не понесло вперед, и уже обеими руками он подтащил к себе утопленника. Крик ужаса вырвался из его груди, когда он перевернул тело лицом вверх. Белое, искаженное ужасом лицо Розалии Марковны глянуло на него из кипучей воды! Луна осветила ее лицо и тело, придав ее коже зловещий зеленоватый оттенок. И когда Сережа отбросил мокрые волосы с высокого лба девушки, над молодыми людьми промелькнуло нечто большое, стремительное. Юноша невольно вскинул голову. Над водой у берега бесшумно парила крупная сова. Расправив огромные крылья, она отбросила на воду узорчатую тень. Ее полет был совершенно безупречным, словно призрак смерти расправил над несчастной Розалией свои крылья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.